

ния взаимопонимания между учителем и учеником. Идущие на лестнице встретятся только тогда, когда один сделает шаг вперед на встречу познаниям, не боясь поскользнуться на крутой ступеньке, а другой сделает шаг вниз, стремясь донести знания, не боясь уронить себя.

*Сергей Васильевич КРУЧИНИН —
преподаватель гуманитарных дисциплин
филиала Тюменского государственного
университета (г. Ноябрьск)*

УДК 1:321. 7

ДЕМОКРАТИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается свобода выбора, которая невозможна без открытого диалога и обсуждения между большинством и меньшинством, а также осуществление социального контроля над полномочиями государственных деятелей.

In this article is being considered the freedom of choice, which is impossible without the open dialogue and the discussion between the majority and minority, and also the realization of social control over the authorities of statesmen.

Теория о достижении демократии во многом представляет собой миф и используется различными политиками и политическими партиями при борьбе за власть. Критика идей достижения демократии уходит своими корнями в античность.

Современные политики, избранные народом, — отнюдь не философы, призванные, по мнению Платона, управлять государством.

Платоновский смысл опасных тем в наше время, по мнению П. Слотердайка, выступает слепым пятном всех высококультурных педагогов и политиков, свидетельствуя об актуальном неравноправии людей перед знанием, которое дает власть. «Под логической формой гротескной практики определения диалог о политике развивает преамбулы политической антропотехники; в ней речь идет не только об обуздывающем управлении уже самими по себе кроткими стадами, но и о систематическом ново-выведении приближенных к прообразу человеческих экземпляров» [6; 42].

Согласно Дж. Гибсону, процесс демократизации существенно осложняется фактором нетолерантной политической культуры, когда нетолерантность фокусируется на конкретных группах, когда индивидуальная нетолерантность подкреплена убеждением, что она представляет взгляды большей части социума, когда нетолерантность политических лидеров имеет существенное влияние на взгляды и действия других представителей политической элиты [9; 286-329].

Предупреждение Н. Бердяева, высказанное в работе «Демократия, социализм и теократия» о том, что «демократия безразлична к направлению и содержанию народной воли и не имеет в себе никаких критериев для определения истинности или ложности направления, в котором изъясляется народная воля, для определения качеств народной воли», во многом нашло свое подтверждение в современной России, где демократические идеи были дискредитированы теми людьми, которые опирались на них лишь в ходе выборов.

В целом демократическая модель игнорирует тот важнейший факт, что институты и культура предшествуют решениям, а не следуют за ними. Демократия может быть блестящим инструментом для принятия частных решений в

рамках установленной социальной структуры. Нельзя, не рискуя зайти в логический тупик, рассматривать ее как средство, позволяющее осуществлять выбор социальной системы или системы ценностей в целом.

Представления о выборе и равенстве, заключенные в понятии «демократия», не имеют серьезных оснований ни в социальной действительности, ни в душе человека. Хотя демократия и не является неотъемлемым свойством человека, в современном обществе она выступает как неслучайный элемент. Происходящий сегодня стремительный экономический рост и связанная с ним подвижная система занятости делают наше общество неизбежно эгалитарным.

Эгалитарность не исключает колоссального имущественного и правового неравноправия даже в государствах с развитой системой демократии, отказывающихся в равноправии для нерезидентов. Даже среди резидентов или граждан наиболее демократических государств механизмы прямой демократии жестко ограничены.

В свое время в демократических Афинах режим прямой демократии означал, что все важнейшие решения принимаются непосредственно народным собранием. По свидетельству Платона, в «технических» вопросах у народного собрания хватало ума заслушивать мнение специалистов, но окончательное решение оставалось за собранием. Сегодня так не управляют ни одной страной. Даже там, где референдум (современная форма прямой демократии) является существенным элементом политической системы, подавляющее большинство решений, которые в Афинах принимались народом на площади, принимается парламентом, правительством или профессионалами-технократами государственного аппарата. Современный же демократический парламент менее демократичен, чем афинское народное собрание.

Прямая демократия, как показала история, часто приводит к «тирании большинства», поскольку прямому народному правлению имманентно — стремление к подавлению инакомыслящего меньшинства граждан. Данное стремление, как показал Дж. С. Милль, органически обусловлено самой сущностью самоуправления: «Сперва тирании большинства опасались главным образом, когда она проявляется в действиях властей. Но мыслящие люди поняли, что общество само по себе тирания, тирания коллектива над отдельными личностями, и возможность угнетать не ограничивается действиями чиновников. Общество вводит свои законы, и, если они не верны, возникает тирания куда сильнее любых политических репрессий, и хоть дело не доходит до крайностей, но ускользнуть от наказаний труднее, они проникают в детали жизни гораздо глубже и поработают саму душу. Законов против тирании чиновников недостаточно; нужна защита от тирании господствующих мнений и чувств, от стремления общества навязать свои идеи как правила поведения» [5; 11-12].

Граждане не вникают глубоко в суть обсуждаемых вопросов, если они не затрагивают их интересов непосредственно. Даже имея желание разобраться в проблеме, они не всегда могут это сделать, так как каждый отдельный человек не является специалистом по всем вопросам.

Даже А. де Токвиль и Дж. Милль, которых нельзя назвать врагами демократии, с большим беспокойством говорят об опасностях, которые несет с собой демократия, об опасностях для свободы человека, для индивидуальности человека, связанных с диктатурой большинства. Демократия индивидуалистична в своей основе, но, тем не менее, ведет к антииндивидуализму, к нивелированию человеческих индивидуальностей, торжеству заурядных потребительских ценностей.

На диктатуру большинства как существенный недостаток демократии указывают и многие русские философы начала XX в.: Н. Бердяев, В. Соловьев, Б. Чичерин, И. Ильин... Так, по мнению последнего, демократический строй «не исключает коррупцию; свободные выборы не исключают классовых программ;

дуэль или убийство не предотвратимы внешними мерами; мобилизация армии неосуществима в порядке всеобщего принуждения; и *только зрелое правосознание* может искоренить в жизни взятку, классовую политику, убийство и дезертирство», поскольку «творить *внешний порядок* жизни право может только через *внутреннюю упорядоченность души*, т. е. через правосознание», игнорируемое в условиях диктатуры большинства [3; 29].

Хотя *признание* неотъемлемых прав каждого лица составляет коренное начало обеспечения подлинной демократии, оно, по словам Б. Чичерина, ведет к тому, что «каждый делается судьей своих прав и обязанностей», а это «начало, при котором общежитие немислимо» [8; 327], в связи с чем возникает неразрешимое противоречие между интересами общими и личными.

Требование выражения воли по большинству вопросов, в которых она ничего не понимает, приводит народ в такое состояние, в котором он просто не захотел бы оставаться. Может ли идти речь о демократии, если при голосовании избиратель прекрасно чувствует, что ничего не понимает в вопросе и даже не интересуется им?

Голосование большинством в огромном количестве случаев не может служить разумным основанием для принятия решений. Когда существует три альтернативы и более, вероятность того, что сообщество проголосует за одну из этих альтернатив абсолютным большинством, невелика, и чем больше этих альтернатив, тем менее вероятно существование абсолютного большинства в пользу одной из них. Принятие же решения относительным большинством вряд ли может считаться «народным правлением» в прямом смысле этого слова, потому и идея интегрировать мнение сообщества через голосование большинством при наличии свыше двух альтернатив проваливается.

Уязвимо и исходное теоретическое представление о прямой демократии как власти народа, рассматриваемого в качестве одной личности с единой волей, единым сознанием, едиными интересами и потребностями. В действительности, как показывают Э. Лейкман и Д. Ламберт, народ представляет собой сложный конгломерат индивидуумов, преследующих различные цели и действующих под влиянием противоречивых интересов [4; 18].

Демократические процедуры принятия решений подразумевают учет мнения различных граждан. Мнения могут не совпадать. Если вопрос поставлен альтернативно (да/нет, за/против) то часть общества может высказаться за одно решение, а часть — за другое.

Если принимать решения на референдуме или путем голосования, то какая-то часть общества обязательно окажется в меньшинстве. Мнение меньшинства при общепринятом понимании демократии полностью игнорируется и подавляется. Некоторые называют такой метод выбора из нескольких альтернативных решений прямой демократией (демократическим централизмом) в противоположность либеральной (консенсусной) демократии.

Демократия, навязывающая то решение, за которое высказалось большинство, позволяет легко решать альтернативные вопросы, но она может совершать ошибки в тех случаях, когда принимается решение по вопросам, которые нельзя сформулировать альтернативно.

Отдавая предпочтение прямой демократии, Милль со всей категоричностью пишет: «... Представительные институты малоценны, и они могут стать простыми инструментами тирании или интриг, если большинство избирателей не заинтересованы в своем правительстве, чтобы участвовать в голосовании, или же, если они вообще голосуют, то делают это не по публичным мотивам, но продавая голоса за деньги или голосуя по знаку того, кто контролирует их, или того, кого они поддерживают, исходя из частных соображений» [10; 179].

В качестве одного из выходов из многоальтернативной ситуации часто предлагают так называемую мажоритарную избирательную систему, но в этом случае снова в жертву приносится прямой смысл слова демократия, ведь власть начинает исходить от представителей меньшинства.

Противники мажоритарных систем принятия решений иногда с ужасом указывают на целый ряд тираний большинства, который, как они полагают, маячит впереди в ожидании малейшей возможности ринуться ограничивать права меньшинства. В то же время они обычно не замечают менее очевидные индикаторы, указывающие на другую сторону проблемы — тиранию меньшинства.

Мажоритарная демократическая система не дает никаких конституционных гарантий сохранения прав и привилегий меньшинства, превосходящих те права, которыми наделены все граждане, немажоритарные демократические институты не могут сами по себе помешать меньшинству использовать свою защищенную позицию для причинения вреда большинству. В мажоритарной стране уровень защищенности прав меньшинства может быть ограничен степенью приверженности большинства принципам защиты основных демократических прав всех граждан и поддержания достоинства сограждан, а также стремлением избежать неблагоприятных последствий ущемления прав меньшинства. В демократической же стране с немажоритарным принципом правления защита большинства от враждебных действий меньшинств способна не превышать степени стремления привилегированных меньшинств не злоупотреблять своей возможностью накладывать вето на не удобные им решения большинства.

Как нам представляется, именно это предположение Ж. -Ж. Руссо позволило ему столь уверенно предоставить право принятия коллективных решений по поводу способов достижения общего блага большинству.

Чем сильнее ожидание со стороны членов политического меньшинства, что они станут составной частью будущего большинства, тем более приемлемым будет для них правило большинства. Они слабее будут чувствовать необходимость наличия таких специальных гарантий, как наличие права вето у меньшинства. Они также с большей степенью вероятности будут относиться к подобным специальным гарантиям как к препятствиям на пути к реализации перспективы участия в правительстве большинства.

Как следствие первых двух или каких-то других причин, правило большинства имеет больше шансов на поддержку со стороны меньшинства, если оно уверено, что коллективно принятые решения никогда не нанесут существенного вреда самим основам его образа, включая вопросы религии, языка, экономических гарантий и целого ряда других.

В той степени, в какой одно или больше из указанных условий отсутствует, некоторые группы, скорее всего, будут сопротивляться принципам мажоритарного правления и отрицать легитимность решений на основе большинства.

В современном мире учет интересов меньшинства (этнического, сексуального, определенной социальной группы, группы людей со сходными интересами) становится насущной необходимостью.

Если принцип правления большинства в строгом смысле неудовлетворителен, существует ли решительно превосходящая его альтернатива? Одна из существующих возможностей — принцип единогласия при принятии решений, которое Локк и Руссо считали необходимым для первого шага в процессе создания государства, но не приведет ли это к «определенной предрешенности представительства большинства и меньшинства независимо от реального соотношения сил» [2; 292-296].

Хотя применение принципа относительного равенства избирательных голосов и обеспечивает более-менее приемлемую справедливость на выборах, которая не может не учитывать местные и региональные особенности, на сегодня не

существует правила, которое предписывало бы идеальное соотношение между избирателями и избранниками.

Демократия не должна представлять собой навязывание власти инакомыслящему меньшинству. Меньшинство должно быть уверено в защите своих прав и своего самосознания со стороны правительства. Как только у таких групп появляется подобная уверенность, они могут участвовать в работе демократических институтов своей страны и вносить вклад в их работу. Для подлинной демократии необходим чрезвычайно хрупкий и сложно достижимый консенсус: учет мнений и интересов всех представленных в обществе меньшинств, из которых впоследствии складывается меньшинство и общество в целом, ведь каждый гражданин в зависимости от специфики ситуации может оказаться и в большинстве, и в меньшинстве, при чем большинство голосов не может служить критерием правильности и целесообразности произведенного выбора. Пренебрежение интересами меньшинства ведет к расколу и распаду сообщества, препятствует гармоничному экономическому и культурному развитию.

Свобода выбора невозможна вне открытого диалога и обсуждения возможных преимуществ и недостатков того или иного решения. Объективность выбора возможна лишь в атмосфере полной ясности, когда все на возникающие вопросы дается максимально полный и убедительный ответ, когда спорные положения не скрываются, а, наоборот, исследуются во избежание ошибок в интерпретации, связанных с двусмысленностью или недостаточной точностью формулировок. Без свободы слова и волеизъявления обобщение высказанных в ходе общения предложений и пожеланий окажется фарсом и надувательством, ведь при существующем в России и ряде других государств господстве проправительственной идеологии в СМИ и отсутствии реальной оппозиции, объясняющемся не реальным согласием общественности с проводимыми в жизнь государственными решениями, а наличием массы бюрократических препон для создания оппозиционных партий и организаций, внедрением в коллективное сознание идеологием о необходимости централизации власти и т. п. демократия окажется симулякром и «игрой в обманку».

При наличии у населения широкого ассортимента сходных, пересекающихся, контрастных интересов обнаружение варианта решения, выгодного большинству представляет собой нелегкий вопрос, при обсуждении которого и принятии решений необходимо идти на компромисс. Во избежание максимально неблагоприятного поворота дел, при этом важно, чтобы выдвижение альтернатив происходило вне контроля со стороны элиты, находящейся у власти, готовой и способной применить различные PR технологии для дискредитации нежелательных для нее альтернатив и продвижения выгодных для себя решений.

Целью правящей элиты является сохранение и увеличение своей власти и господства над обществом, народ же заинтересован в обнаружении и претворении в жизнь решений, выгодных большинству населения, обеспечении демократических процедур волеизъявления граждан, гарантирующих максимальное участие населения в процедуре принятия государственных решений, что возможно лишь при условии социального контроля над правящей элитой. Без социального контроля демократия, понимаемая как реализация власти самим народом, а не горсткой наделенных неограниченными полномочиями государственных деятелей, на практике невозможна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия. Электронная версия: <http://www.philosophy.ru/library/berd/dem.html>
2. Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 292-296.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. Мюнхен, 1956.

4. Лейкман Э., Ламберт Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958.
5. Милль Дж. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11.
6. Слотердайт П. Правила для человеческого зоопарка. М., 2003.
7. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
8. Чичерин Б. Н. Избранные труды. СПб, 1997.
9. Gibson, J. and Duck R. Political Intolerance in the USSR: The Distribution and Etiology of Mass Opinion // Comparative Political Studies. 1993. Vol. 26. P. 286-329.
10. Mill, J. S. Principles of Political Economy. N. Y., 1973.

*Марина Васильевна ДЕНЬГИНА —
соискатель Тюменского государственного
института искусств и культуры*

УДК 78.072.2

МУЗЫКА КАК ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗНОГО

АННОТАЦИЯ. Современная научная ситуация — это и противоречия традиционности и модернизма, и компьютерно — информационная революция, становление современного, совершенного и гармоничного человека, общества — не разрешима без углубленного исследования соотношений музыковедения с другими научными дисциплинами: философией, социологией, эстетикой, этикой, психологией, физикой, математикой, медициной, экологией и др. Данная тема исследования помогла сделать определенные выводы: во-первых, взаимодействие философии и музыки рождает философию музыки, которую необходимо рассматривать с разных сторон, аспектов и уровней. Во-вторых, теория и практика музыки как особый вид деятельности содержат виды отражения, в частности, по линии материальное (М) — идеальное (И). В-третьих, способствовала осознанию специфики современного единства музыкального многообразия. В-четвертых, раскрываются возможности использования выводов об аспектности и отражаемости музыки в педагогической деятельности.

Modern scientific situation, that is the contradiction of traditional nature and modernism, computer information revolution and formation of a modern, perfect and harmonious person, society, can't be solved without deep analysis of the correlation of musicology and other branches of science: philosophy, sociology, aesthetics, ethics, psychology, physics, mathematics, medicine, ecology. This scientific research helped to make some conclusions: first, due to the interaction of music and psychologies the psychology of music appears, that should be examined from different points of view, aspects, levels. Second, the theory and practice of music, as a special sort of activity, contains some kinds of reflection, particularly in the material — ideal way. Third, it helped to realize the specificity of modern unity of musical variety. Fourth, the possibilities of using the conclusions about musical aspects and reflection in pedagogical activity are opening.

XXI век раскрывает перед музыкальным искусством неограниченные возможности для дальнейшего исследования взаимоотношений музыкальной жизни и философии, специальных наук: психологии, физики, математики, эстетики, этики, социологии и др.

«Разве можно разобраться в Бахе без Лейбница, в Бетховене — без Канта, Фихте и Гегеля, в Вагнере — без Шопенгауэра, в Дебюсси и Равеле — без Бергсона, в Скрябине — без Фихте и солипсизма, в Прокофьеве — без современного феноменального морфологизма?» [9; 212].